

Александра Нюренберг
Мозг из жевательной резинки

Александра Нюренберг

Мозг из жевательной резинки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349476
ISBN 9785449666536*

Аннотация

Вернуться в океан. Переформатировать биологический вид, стать другими... возможно, богами. На осуществление проекта Домой отпущен миллион лет. Предвечный сад опустел. Плохие дети повзрослели. Программа Непослушание удалась. Беспечные родители-проектировщики об этом совсем не мечтали. Мистика и тоталитаризм сочетаются гораздо лучше, чем кажется. Что кажется интеллигентному фараону, когда он посещает священную гробницу?

Содержание

Домой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мозг из жевательной резинки

Александра Нюренберг

Корректор Эстер

Иллюстратор LeoderLiebe

© Александра Нюренберг, 2019

© LeoderLiebe, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6653-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Домой

Последний день.

По карте океана прыгали дельфинчики. Карта – обрывок из учебника – была необычная, старинная, плоская, никаких объёмов и разумные родственники – эта седьмая вода на киселе – просто нарисованы среди обозначенных штрихом волн. Розово-жёлтые и скользко-гладкие на ощупь, как ракушка изнутри, стены Последнего Прибежища вздрогнули, будто ракушку кто-то тронул пальцем. Это означало, что в десятке километров отсюда, ближе к поверхности, взорвали круговую бомбу.

– Пора!

Она грациозно, одним движением, приблизилась и заглянула ему в глаза. Его зрачки расширились, возбуждение готовности выражалось только в этом. Бит был значительно массивнее, чем Биррен, и двигался грубее – но сила, скрытая в его плоти, подкупала и завораживала. Она помнила, какое впечатление он произвёл на тех людей.

Бит взял карту из воздуха, где она парила, повинуясь их взглядам, и принялся что-то делать с бумагой. Биррен поняла и вечный оскал её красивых зубов, белый, как что? что они говорят там наверху в таких случаях? словом, чудесный этот оскал приподнялся к углам и без того приподнятых тонких губ.

Он сделал самолёт из карты и метнул в сторону, положив узкую сильную ладонь на её плечо.

Потом он протянул ей обе капсулы, и этот патетический жест растрогал Биррен. Он хотел сказать, что отдаёт в её руки жизнь. Именно ей...

Взрывы – мелкие вредные взрывы – сотрясали Последнее Прибежище. Закончилось всё ударом снизу, который отбросил Биррен в его объятия. Их тела переплелись, они ощутили крылья за спиной. И он, и она были, как два мускула в одной связке. Её нимб стал совершенно отчётлив, что свидетельствовало о крайнем напряжении всех её немалых интеллектуальных и нравственных возможностей. Над её головой, более удлинённой, чем у него, формы явственно обозначились тоненький золотой обруч.

Он взглядом спросил – не выронила? Она показала капсулы, зажатые в пальцах. Розовые лаковые лепестки когтей непроизвольно выдвинулись, перепонки истончились, как плавящийся воск.

Глядя друг другу в глаза, они испили зелье: он – сам, и тотчас торопливо прикладывал сосуд к её рту. Она так ждала боли, что пропустила первый её укол. Второй заставил её отчаянно закричать, и последнее, что она запомнила, прежде чем уйти во тьму, было прикосновение его рук. Бит не выпустил её и тогда, когда шквал отвратительных ощущений сотряс его мозг сильнее, чем жалкие людские взрывы.

Он не разжал рук... но мощная сила, что властна над жиз-

нию, преодолела его.

Его зрачки сузились, как игольные ушки, когда он с грохотом, расплетая мощные кольца и ломая крылья, рухнул навзничь. Кисть его руки бессильно раскрылась, пальцы сводило, как от ожога, кожа уже начала сходить клочьями. Последнее Прибежище стойко выдерживало осаду ударов, самолёттик, видно, случайно попав в поле его зрения, приподнялся и летал у купола. И вдруг клюнул бумажным носом. Сине-зелёные глаза с чёрными чечевицами зрачков более не могли удерживать его. Но в последнем усилии они нашли Биррен. Его любимая, его бесценное и единственное сокровище, безмолвно, без стонов переживала последние минуты...

(Фрагмент офисного разговора. Примерно году в двухтысячном после запуска программы Домой.)

– Вышло из-под контроля? Простите? Это вы так называете? О чём вообще речь?

Похоже, он просто нагнетал ярость. Фараон был пожилой человек, и дорогой костюм не мог скрыть усталости его тела, напичканного в течение семи десятилетий власти немыслимым количеством улучшателей.

Начальник внутренней разведки склонил голову. Его скромная причёска – выбритые виски и пунцовый гребень – свидетельствовала о том, что он не наследовал и не купил должность, а выслужил её. Это был его единственный недостаток. И до сих пор фараон не желал лучшего.

Впрочем, он, и впрямь, не желал.

– Каи, – сказал фараон знаменитым бархатным голосом и полулёг в гамаке, – оставим это, а? У нас война на носу, а вы мучаете дедушку страшными сказками о каком-то эксперименте, начатом нашими мифическими предками и забытом ещё при моём дядюшке, перехватившем власть, не помню у кого. Да, полно, ... а может, ничего и не было? Люди древности такие странные. Может, это какое-то художественное произведение? Ну, знаете, в архиве они нашли. Якобы нашли. А ваши учёные решили, что это – правда, потому что они сумасшедшие.

Он протянул ногу для поцелуя, и Каи, припав к ботинку, понял, что тема исчерпана.

За день до запуска программы Домой.

– Костные остатки таза, одиночные волоски на морде... этого мало.

– Мы должны отдать себе отчёт, – возразила рослая женщина в мужской тройке, – почему власть решила финансировать программу Домой. Их покорила именно простота замысла.

Крохотный мужчина с большой головой кивнул и вернулся к своей мысли:

– ...Мало, но вполне достаточно, чтобы пробудить у заведомых графоманов, коими по умолчанию являются государственные мужи, интерес к этой долгосрочной нужде.

– Их забавляет мысль, что они сродни мифическим дельфинам или могут превратиться в них. – Невнятно послышалось из глубокого кресла.

Там скорчился человек в запущенной одежде, по виду – настоящий учёный. Пол его определить с ходу невозможно, подумала женщина.

– А то, что дельфины утрачены, как вид, подстёгивает их скудное воображение.

Яйцеголовый передвинул на столе фигурку – змея на стопке монет.

– Костюмы, запонки... недостаток движения... они с трудом выкраивают время, чтобы в теннис поиграть, а тут вы, милая, – обратился он к даме, – сообщаете им, что если миллион лет плескаться в море, можно стать гибким и сильным. А вы хорошенькая...

Женщина искоса взглянула на захихикавшего коллегу.

– Попросту они не должны отчитываться перед избирателями через миллион лет. – Доброжелательно проворчала дамочка. – И никакого подвоха. Им остаётся побеждать на выборах со слоганом: «Мы вернёмся в океан, чтобы завоевать сушу». Это лучшая рекламная шумиха со времён Хаммурапи с его популистской конституцией.

Она поднялась из-за стола.

– Нам нужно только следить, чтобы они аккуратно перечисляли деньги... И если через сто лет алмазы не обесценятся, потомки графоманов должны выплачивать нам горсть

в установленный срок.

Учёный карла усмехнулся.

– В предложенном нам договоре упомянута уйма причин, по которым выплаты могут быть приостановлены. Скажем, президент не гарантирует, что через миллион лет не произойдёт революция или не пойдёт сильный дождь.

Он улыбнулся женщине, глядя снизу вверх.

– Поэтому нам нужно позаботиться о десятках поколений адвокатов, которые будут блюсти наши интересы в течение, по крайней мере, десяти тысяч лет. Я подобрал сведения о некоторых старинных фирмах. Куча маленьких адвокатиков, и в каждом сидит ещё один. Дети будут рождаться, зная, они рождены для миссии – защищать интересы участников программы. Эмбриончик с логотипом «Домой» на трогательной головёнке, каково?

Он пошелестел бумагами. Неухоженный учёный подтянул колени к подбородку и медленно обхватил их длинными руками. Этот безмолвный перфоманс явно посылал сигнал о протесте, но учёный всё же прибег и к вербалке.

– Мне, кажется, всё это не понадобится. Участники эксперимента смогут позаботиться о себе сами. ...И как эти ребята в запонках не боятся.

Яйцеголовый довольно резко спросил:

– Чего они должны бояться?

– Ну, всё-таки это ведь довольно нелепая затея. А?

Карлик и рослая особа – она уже стояла у двери и даже

взялась за дверную ручку – переглянулись. Хорошо сказано для того, кто всю жизнь обосновывал «затею» научной болтовнёй.

– Поздно. – Холодно отчеканила женщина. – Поздно у вас появилось чувство юмора. Они уже выехали на Побережье.

Дневник «домушника» первого поколения.

«Девятое сентября две тысячи девятнадцатого года от того дня, когда в маленьком городке родился Спаситель мира... или сорок второе Месяца Бурь тридцать пятого года от Сотворения нашего мира. Мир сотворён осенью. Ох...

Ночью акула порвала наши сети и сожрала, предположительно, трёхметрового синего тунца... Старик, наверное, решил покончить с собой. Его бедная башка печально скалилась, пока мы... В таком возрасте они прекрасно разбираются в ловушках. На рассвете вышли в море только втроём – у семерых в нашем гнезде морская цинга. Лекарь не знает, как это лечить. Я приходил к нему. Он долго толковал о приспособлении к среде, это что-то вроде ломки. Запас лекарств исчерпан, да они и не помогли бы нам. Не знаю – я не врач. Я ихтиолог. Я рыбак, будь оно неладно. Да и он тоже. После того, как умер наш первый лекарь, о системных медицинских знаниях нечего и говорить. Помню, что в первый год он часто толковал мне, что мы должны себя подстраховать... но я не нашёл никаких его записей на этот счёт. Опыты и записи прекращены десять лет назад. Я иногда просматриваю ста-

рые тетради... рыба ушла на север... решили назначить охоту на акул. Я знаю всех тварей у побережья, но удар у меня уже не тот».

Он посмотрел на свою пятерню в наростах и пятнах. Он забыл то, что написал, и потёр лоб.

«Я начал лысеть... охота на акул... сбор водорослей. Плантации захирели».

Он весь сморщился, припоминая. И поспешно нацарапал: «Записать. Сынишка Дюйэвич, случай из детства. Она погибла тридцать лет назад... не хочу об этом. Позвоночник дарит мне каждое утро ощущение, будто я только что упал с велосипеда... растворяется он, что ли. Зрение... об этом лучше не надо».

Он часто делал абзацы, табанил плоскость листа зажатым в пятерне карандашом, желая оттолкнуться от написанного ранее, как толкал он лодчонку одним веслом по океану.

«... как хорошо, что Дюйэвич ушла молодой и нежной. Её пальчики не успели огрубеть, как и её душа. Да, её душа осталась молодой, и Спаситель взял её в свою компанию. Сын не похож на неё. Он похож на отца.

Его отец – уродливая тень того симпатичного и недалёкого красавца, которого я увидел тридцать пять лет назад. Он готов забрать последний кусок у меня, старика. Постоянно хочет жрать. Вертится возле меня с горящими слезящимися глазками. Впрочем, они у всех такие. Не понимает, что я терплю его в память о ней. Она была бы другая... Скоро

у Дюйэвена появится внук или внучка. Я верю, что это будет здоровенький ребенок, по крайней мере, не такой, как те... как все наши дети за последние пять лет. В это-то я верю...»

Карандаш с трудом двигался по бумаге, выводя неуклюжие буквы. Строчки валялись, как сети, крепежи которых подъели рыбы.

Он послунил жёсткий, как дерево, палец и перелистал страницы к началу, вытащил себя из-за стола, валко подошёл к шкафу и нашарил на верхней полке первую тетрадь. Открыл, поморщился и, отодвинув на вытянутой руке, всмотрелся в бегущие убористые строчки:

«Сегодня первый день... мир сотворён. Здесь на побережье вдоль берегов океана собрались люди, которые должны будут вернуться в воду, как вернулись некогда предки дельфинов и других морских тварей. День был сутолочный, как и положено первому дню творения. Возможно, у нашего Создателя всё было лучше продумано... Десятки грузовиков и самолётов разгружались... плантация... моя новая куртка утонула, как будто только и ждала этого момента. У нас будут новые одежды.

«Я познакомился со многими из нас. Дюйэвен и Дюйэвич очень понравились мне – и он, и она такие молодые. Она застенчивая и хрупкая, но внутренняя сила светится в её глазах... смотрели с ними на летучих рыб. С ума сойти, что мы затеяли. ...Конечно, их зовут вовсе не так. Я спросил её, зачем они взяли кельтские имена мужчины и женщины, спас-

шихся после потопа,... хотя и так понятно — для этих молодых людей, как и для всех нас, сегодня началась новая жизнь. Почему бы не обзавестись новыми именами? Многие протестовали против участия детей, но ведь дети появляются подобно цветам весной. Сотни детей расцветут на этих берегах, и когда-нибудь кто-то из них вынырнет из воды с победной улыбкой на устах. Если у него будут уста... быть может, пасть? Хищная и красивая...

«Пища наша насущная... нам предстоит посадить биллиарды ростков. Сегодня...»

Он закрыл тетрадь и попытался всунуть её на место — «всегда клади вещи на место и победишь», но у него не получилось. Он с досадой бросил её на стол и сел. Тетрадь, покоробленная, в срамных пятнах морского йода, сотни раз просохшая, упрямо раскрылась, как старческая, хорошо организованная и не сдающаяся память. Руки дрожали. Он уронил голову в жёсткий ковш ладоней. Потом снова нашарил карандаш и с трудом выпрямился. Написал:

«В том мире, кажется, что-то происходит. Мы видели, как прошёл караван самолётов... или это была большая стая птиц? Я устал, будь оно неладно. Наверное, я умираю».

Его поразило, с какой лёгкостью он поставил точку на бумаге.

Он уставился в тетрадь, словно не веря в то, что прочитал. Опёрся о край стола и встал. Колени подкосило, и он сел на земляной пол. Возле ножки стола зеленела симпатичная

травяная кочка. Лёг на кочку тяжёлой головой в островках щетины и скорчился, натягивая обветшалый мешок, разрезанный в трёх местах, на глаза.

Первый день.

– Когда у тебя вырастет хвост, тебе непросто будет потребовать у президента свои проценты.

– Ну, а вдруг у президента будет хороший характер?

Здоровенный не улыбочивый парень односложно распрощался с лётчиком, снова запрыгнувшим в свой гидроплан. Лётчик выбросил ему последнюю сумку. Сумка издала тонкий стеклянный звук.

– Ого. Там у тебя что-то хорошее.

– Пустые пробирки.

– Так ты эскулап?

Парень пошёл прочь и помахал, не оборачиваясь. Лётчик, продолжая смеяться, задвинул остекление.

Парень остановился. Плотное тельце гидроплана, как спятивший от брачных эмоций дельфин, прыгало по воздуху над мягко вздымавшимися океанскими волнами. Лента побережья у подножия гор постепенно превращалась в муравьиную тропу. Ряд хижин островного типа со столбами посреди крохотных холлов и несколько домов на сваях уже были незримо связаны между собой людьми, снующими с мешками и сумками.

– Это гнездо номер один? – Спросил он, тщательнее, чем

хотел бы, выговаривая слова на Языке Побережья, который они все учили в центре подготовки.

К нему обернулась молодая женщина, поднявшая с земли запаянный лоток с культурой планктона. Она приветливо кивнула и попыталась движением плеча устранить помеху – прядь гладких шёлковых волос, закрывших огромный зелёный глаз. Второй – точно такой же, отметил он про себя, властно забирая у неё груз. Она принялась протестовать. Высокий парень вышел из хижины, раздвинув плечом зашелестевшую занавеску из деревяшек и вопросительно, но без агрессии уставился на него.

– Ли У.

Он подумал, как выглядит со стороны – ширококостный, с крупными чертами лица, смуглая кожа. Лицо замкнутое, но располагающее, как записал в характеристике психоредактор – словно его утверждали на главную роль в сериале, а не в сомнительный проект на должность с неопределёнными полномочиями.

– Вы наш врач. – Полуутвердительно сообщил ему парень, забирая у девушки второй лоток. – Дюйэвен, ихтиолог.

Хочет ли он обменяться рукопожатием? Ли У упрекнул себя в мнительности.

– И плотник. – С удивившей его самого смиренностью подшепнул он.

– Дюйэвич. – Тем временем произнесла девушка. – Жена этого безумца, тоже ихтиолог.

Как она сразу раскидала вещички по полочкам. Мы все здесь умные. Эта мысль подняла ему настроение.

– И тоже сумасшедшая. – Добавил Дюйэвен и хохотнул так, что у Ли У от сердца отлегло. Просто недалёкий, весёлый и молодой – то, что надо.

– А это наша жрачка. – Дюйэвен указал подбородком на лоток в руках. – Бр-р. Верно?

Жена сказала ему – Тш, Тш.

Ли У вошёл следом за парнем в тёмную тихонькую комнату, под ногами упруго подавался песок – мягко стелет им побережье.

Выходя, он столкнулся с девочкой-подростком, огромные глаза, грациозная фигура, очень тоненькая. Он вежливо поздоровался.

– Каким будет наше оружие? – Услышал он голос вышедшего за ним Дюйэвена. – Эмма, не суетись.

– У нас нет оружия.

– Но будет. Пойдём-ка к водичке.

Ли У отказался «искупнуться на посошок, пока мы ещё ни в кого не превратились».

– Я бы хотел доложить о прибытии начальнику.

Дюйэвен смотрел на него со странным дружелюбием.

– А вот начальников не будет. Впрочем, если вам дорого это слово... вот тащится управляющий первой фазой Проекта.

Врач разглядел коренастого мужичка в шортах и фартуке,

с которым разговаривали сразу пятеро. Пробившись к нему сквозь сутолоку, Ли У приготовился набраться терпения, но здешний Ной тотчас отреагировал на появление очередного статиста. Ли У с непонятым удивлением отметил, что у начальника строгие, почти нежные по красоте черты лица, выдубленного, как днище лодки.

– Док. – Только и уронил тот. – Рад видеть.

Рукопожатие понравилось Ли У и одновременно внушило сомнения – слишком крепкое, чтобы отражать внутреннюю уверенность. Ной немедленно отвернулся, чтобы уладить что-то с лодками. Кажется, их следовало пересчитать.

– Я хотел бы поговорить с вами. – Тихо попросил Ли У.

– Со мной?

– Вы наш... – Он отменил слово «начальник», поискал другое.

– Папашка. – Легко решился он.

Мужичок не усмехнулся, продолжал слушать с чуть напряжённым вниманием.

– Думали вы о том, что миллион лет – довольно большой срок?

– Ну, да. Вроде.

Ли У натянуто улыбнулся, чтобы скрыть нарастающее разочарование. «Папашка» смотрел на него светлыми немигающими глазами. Ёжик максимально коротко остриженных волос, сквозь который полукругом проступал осенний вялый свет, не прибавлял комизма его облику.

Ной сделал пригласительное движение и повёл его к тёмной полосе песка. Шипела вода, проникая между песчинками, нервы раздражал лёгкий звук камешков, которыми играла волна.

– Слышите? – Спросил Ной и оттопырил ухо пальцем. – К вечеру будет небольшое волнение.

Он улыбнулся так, будто его рот подтянули на ниточках.

– А мы будем сидеть в тёплых гнёздах.

– Нам следует подумать о подстраховке.

– О чём, простите?

– Что-то вроде обратного отсчёта. Я вам объясню. Работу нужно начать с первого дня. Мы не имеем права покидать побережье, но...

– Кто вам сказал? – Срезал Ной. – Забить на подвиги можно в любую минуту.

– Да?

Врач оглянулся на горы – лиловые до неба и гладкие под уползающим Солнцем, на горные тропы, – как только уйдут грузовики, их завалят камнем и залиют искусственной лавой.

– В северной части острова работает диспетчерская.

– Пока работает. Вам известно, что через полгода все посторонние будут эвакуированы – ради чистоты эксперимента.

Начальника-папашку окликнули, и он, снова подарив врачу свою великолепную бессмысленную улыбку, зашагал на кривоватых чёрных ногах, увязая в песке. Спешит

к оставленной стае.

– Мы поговорим! – Крикнул он, оборачиваясь. – В любом случае, делайте всё, что сочтёте нужным.

Смех молодой женщины, взлетевший в прозрачной тишине, почему-то пробудил в груди Ли У отчётливый ужас.

Сто первый или сто второй год после запуска программы Домой.

– У них трудности, господин консул. Медицинская помощь отсутствует, а иммунитет тает. Плантации водорослей, очевидно, заброшены...

– Как это печально. Я могу что-нибудь сделать для этих храбрых... м-м, людей?

Ей показалось, что вопрос относился к последнему слову. Она тонко улыбнулась.

– Конечно, господин консул. Эти... люди нуждаются во втором дыхании. Возможно, новые поколения утратили ощущение цели. Или же оно было утрачено первыми уже через пару лет. Наблюдения с воздуха показывают, как бы это сказать... уныние. Ящик с медикаментами, ваше приветствие и приветствия глав других государств могли бы подбодрить их....

Консул вздохнул.

– Не лучше ли свернуть всё? Риск слишком велик. Смертность?..

– Ужасающая, господин консул. В том числе, новые ин-

фекции.

Тень беспокойства коснулась его лица. Она поспешила:

– Опасности эпидемии нет, ведь эксперимент локализован естественными преградами.

– Я готов пожать руку любому из них.

Теперь она узнавала своего консула – его отрывистый голос во время знаменитого репортажа сразу после переворота.

– Но они граждане своих государств, там ведь полно и наших. Их права защищены. Что?

– Я была в адвокатской фирме. Теперь она называется по-другому и... Кунштюк в том, что в конторе есть клерк, который всё помнит. Он работает на них восемьдесят лет.

– Похоже, кроме меня и этого бедолаги никого не волнует печальная история. И, конечно, вас, сударыня. Писатели – соль земли. Или океана?

Он помолчал.

– Сенат не захочет слушать эту историю даже в качестве анекдота. Боюсь, им почудится в этом нечто... потешное. Структура власти заметно изменилась,... мы все помним революцию. Революция сознания совершилась первой. Забастовки, протесты и баррикады – внешнее выражение глубоких внутренних перемен. Причуды столетней давности выглядят упадническими. Люди теперь хотят жить на земле. Теперь, когда установилась подлинно народная власть.

Он подал ей руку для пожатия, и она поняла, что аудиен-

ция окончена.

Двести лет спустя запуска программы Домой.

– Жалкий народ. Следы вырождения налицо. Да они передвигаются с трудом.

Долговязый и тонконогий экспедиционный медик напоминал эмпузу. Даже чемоданчик он держал в двух маленьких ручках поближе к впалой груди.

Командир в чёрном кожаном мундире водрузила флаг и, отступив на шаг, подняла бинокль. С высоты гор побережье выглядело, как гигантское лежбище неизвестных научной классификации существ. Одно из них попало в фокус. Малорослое и хилое, согнутое пополам рахитом, оно выползло из-под низкого навеса. Обмотанное высушенными водорослями, оно само было похоже на растение. Существо приблизилось к тёмной кромке и, опустившись на ладони, принялось искать что-то, всё глубже уходя в воду и выставляя несуразные лопатки,двигающиеся как поршни. Несколько ему подобных плескалось далеко от берега, показывая над водой неприятные спинные горбы.

Командир поморщилась и отвлеклась на бодрый свежий голос, провещавший:

– Власть военных заводов это не то, что власть военных.

Тягучий голос возразил что-то непонятное.

– Вы сомневаетесь в нашей эпохе? Она молода и упруга и хочет пострелять. Это и есть стабильность, когда топаешь

вперёд. Сапог прогресса.

Командир оглянулась. Замполит вместе с младшим офицером приветствовали её новым, утверждённым в Говорильном Органе, жестом. Замполит погрозил офицеру.

– Если не верите, взгляните с высоты на это мирное племя.

Офицер мельком взглянул на побережье, а медик просительно обратился к замполиту:

– Что с ними делать? Я нашёл в одной из хижин какие-то записи, очевидно, ритуально-исторического характера.

Замполит ужаснулся.

– Вы энтузиаст, доктор. Лазить в эти отвратительные норы. Нет, вы посмотрите...

Существо вернулось с рыбой в зубах. Чешуйка сверкнула далеко внизу, как новорождённое Солнце.

Доктор робко предположил:

– Может, их сжечь, эти записи.

Командир уставилась на него всем своим потным толстым лицом, словно не доверяя персональным органам чувств. «Да она в нём дырку прожжёт», сказал про себя весельчак-замполит. Он поспешил вмешаться.

– Мы могли бы прихватить одну особь для показа на Всемирном расовом конгрессе сразу после дефиле представителей доминирующей расы.

Он знал, что делал. «Этак мы тут на всю неделю застрянем». Командир фыркнула.

– Следовало бы всё тут сжечь, но у нас подобрался арсенал.

Флаг сильно хлопнул её по плечу, и она поцеловала его краешек, незаметно обтерев верхнюю губу.

– Вернёмся, пошлём сюда пару воздушных звеньев. Если они не понадобятся коменданту восточного лагеря, конечно.

Тысячу лет спустя запуска программы Домой.

Мощное тело плавно двигалось под водой. Солнце добиралось до него сквозь покачивающуюся линзу и с удовольствием зажигало гребни поднятых им волн. Из воды вышла голова на длинной шее, показались плечи и грудь – столь совершенных очертаний, будто со дна извлекли классическую статую. Короткие шёлковые волосы облепили удлинённый череп, лицо с профилем, напоминавшим о кошках и змеях, сияло. Капли стекали по коже, не оставляя следа.

Она снова скрылась под водой и вынырнула со смехом – это был победный смех самого океана. Она проплыла немного и взмыла из воды, с треском раскрыв короткие крылья. Невысоко и недолго пролетев над гребнями ею же поднятых волн, она вытянула руки и вошла в воду без единой взлетевшей капли. Длинная хвостовая часть с раздвоенным плавником выпрямилась, как часовая стрелка, к Солнцу.

Океан осиротел, его поверхность выглядела тревожно опустевшей.

– Сегодня патруль отчитывается за ежегодное дежурство.

Мы всё о них знаем. В сущности, это переломный день.

– Для кого?

Короткий смех в зале послужил ответом на неуклюжую реплику и прикрытием для неё. Она воспользовалась заминкой, чтобы шмыгнуть на своё место – опоздала.

– Для них.

Профессор привстал на колымагу хвоста и оглядел свою аудиторию. Поколение №19 было одержимо идеей контакта, что объяснимо, учитывая их возраст.

Начальник патруля, которому предстояло отбиваться от вопросов, в этот момент покинул свой дом и, оглянувшись, прикинул, что дом этот значительно больше увиденных им во время подготовки контакта в необыкновенно душных наземных поселениях. Гигантская раковина казалась невесомой, но самый суровый шторм не пошатнёт её.

Сын последовал за ним. Они улыбнулись друг другу, но говорить под водой не могли.

– Мы думали, они будут вроде дельфинов с ножками. – Заурчал в голове голос сына – юношеский баритон, вполне сформировавшийся для того, чтобы поучать уже собственных детей.

Он вытянул руки, и вода мягко разошлась.

– Хочу говорить по-обычному. – Виновато пожаловался он.

Пока они плыли, или, скорее, летели в воздушном колоколе, сын подозвал стаю больших рыб. Тут же вдалеке мельк-

нул острый плавник, исчезнувший в сумраке. Юноша внимательно посмотрел вслед плавнику, зная, что ждёт акулу – реальная до мелочей акула в десять раз больше. Он понимал, что так поступать нехорошо, но ей здесь нечего делать.

Тридцатисантиметровый слой белого пепла, выложенный в виде шоссе, показался внизу...

Возрождение. Спустя семь тысяч лет.

Расцвет океанического года пришёлся на праздник Насущной Рыбы. Великолепные, сильные, смеющиеся гортанным смехом, они разом поднялись из вод и полетели к востоку. Огненная дорога стелилась по волнам, тоже стремившимся вместе с хозяевами к Солнцу. Океан приподымал грудь, с любовью следя за своими душами. Тонкие и стройные, блистающие игрой мускулов... когда кто-то из них нырял, притом сразу на страшную глубину, крылья складывались и скользящее в воздухе тело можно было обвести одной сильной линией.

– Вам следует приодеться для переговоров. – Тремя ударами хвоста вывела в небо бабушка. – Они могут смутиться.

Это вызвало череду низкопробных шуток.

– Мне их жаль. – Садясь на облако, сказала она так резко, что у всего клана отдалось в ушах. – Бесстыдники вы. Флинк!

Переговоры.

– Обращаю твоё внимание, любезная, сейчас ты уви-

дишь главарей бандитской шайки, некогда перессорившихся со всеми вытекающими последствиями, а ныне – нежнейших друзей.

– Вы о чём? – Влез переводчик, нервно облизывая губы. – Помощь требуется?

Она повернула голову на высокой шее и с высоты – хотя и старалась свёртывать хвостовую часть потуже, тяжёлыми золотыми кольцами, – приветливо взглянула на него. У неё был маленький прямой нос, глаза без ресниц с лиловатой плёнкой век, косо посаженные к вискам и очень крупные, значительно крупнее, чем у него.

– Волнуетесь?

– Я выражала восхищение. – Ответила она и обвела маленькой ручкой позолоту зала, гармонировавшую с расцветкой её тела.

Акцент был почти незаметен, но чувствовался скорее, как особенность произношения – отчётливого и напоминающего о прибое, о бескрайней долине океана. Иногда голос делался резче и тоньше – вот знать бы, что с этим связано, и впрямь волнуется? Не похоже. И вообще, на черта им переводчик. Он понимал, что термин, обозначающий его профессию, будет приятнее контактёрам (или дипломатам, как их послушно назвали в предварительных документах), чем совсем уже ни к селу, ни к городу – телохранитель. Достаточно взглянуть на бронированное тельце её дружка, чтобы понять кое-что. Тот, словно прочтя мысли (этого не хватало), с пугающим

дружелюбием склонил массивную большую голову. Его широкий прямой нос, в профиль – как у тех молодцов на древних камнях, казалось, что-то чуял.

Бедняга-переводчик не мог не признать, что парень не очень ему нравится. Нечто пугающее было в отсутствии волос, хотя выглядело довольно круто. Будь у парня две ноги, как полагается, ни взять, ни в морду дать – вылитый скуловорот из модного боевика. Почему-то безволосый удлинённый череп красотки ничуть не портил впечатления. Губы у неё тонковаты, зато яркие и чётко прорисованные матерью-природой. Ох, матушки, и создала же...

Только бы она не облизывала губы, подумал он, и невольно сам, в который раз, прошёлся по высохшим губам жалким, как тряпочка, языком. Когда в роскошной приёмной яхты-дворца, где отдыхал сам Триумвират и где в качестве знака доброй воли, была назначена встреча с гостями, им подали коктейли, она приоткрыла свой ротик, и переводчик увидел её крошечные, как у кошки, резцы, просто игрушки, и массивные клыки, по которым она прошла раздвоенным языком. Переводчик подавился коктейлем и так и не распробовал вкус.

– Оцените, госпожа, – зашептал он, пытаясь подавить волнение. – Сейчас вы увидите лидеров стран, воевавших друг с другом на протяжении семи тысяч лет, и заключивших вечный мир.

Она с благодарностью поклонилась. Переводчик, вздох-

нув, отошёл на секунду, чтобы перевести дух – имеет он право или нет?

– Говорил же, тройка бандитов, чьи колонии охватывают всю сушу и которые не забывают, что воевали друг с другом во всех доступных им комбинациях.

Она хихикнула и сурово покачала головой – Тш.

Переводчик подскочил и посмотрел вниз. Маленькое животное в лёгкой упряжи – голая кошка с хвостом ящерицы с интересом изучала его выпуклыми глазками. Девушка засуежилась.

– Тш. – Опять попросила она. – Ты моя малышечка, сиди смирно.

И дёрнула, слава Создателю подобной твари, за поводок лёгкой упряжи из каких-то ненадёжных серебряных ниток. Киса заупрямилась, и барышня взяла её на ручки. Та куснула треугольными зубками мамин локоток – высокие отношения видов.

Переводчик слабо улыбнулся и внезапно подумал про одного из членов Триумvirата, старого дурака, надоевшего всем легендами о своих любовных приключениях, которые сам и распространял. Как бы не решил *ухажнуть* за леди. Невзирая на хвост, а может и из-за него. Подобие одежды на контактёрах было, как видно, уступкой правилам приличий, изученным ими.

– Полагаю, вас ждёт вдохновляющая беседа. – Начал он светский разговор.

Парень с самым серьёзным видом кивнул.

– Мы обсудим множество идей. У нас их, что у кошки блошек.

В прихожей послышались шум и шаги. Переводчик втянул живот, узнавая Голоса Триумvirата. В частности, ясно слышался взвизгивающий тенор старого ловеласа. Девушка тем временем вытащила из каждой складки за ухом кисы малюсенький шприц и – не успел переводчик потерять сознание от ужаса перед готовящейся диверсией, – вколола себе в предплечье.

– Это... – Проговорил переводчик.

Она улыбнулась.

– Витаминки. Так, пустяки.

С шумом распахнулись двери, и Триумvirат Человечества разом вдвинулся в специально расширенный, во имя избежания скользкой международной ситуации, проём двери, кося глазами во все стороны.

Представительный орган состоял из – женщины, которая не смогла на космокарте показать единственную обитаемую планету Системы; мужчины, того самого ловеласа, который поедал своих потенциальных соперников, как поговаривали злые языки, не только лишь фигурально и третьего лица – этот человек после каждого срока на политической арене менял свой пол, облик и паспорт, чтобы заново порадовать электорат. Сейчас он отдал дань техническим возможностям и выглядел как робот, а свою голову нёс на согнутой руке.

Дипломаты океана скромно подвинулись навстречу. В эту минуту стаи акул, презабавно выстроившиеся клином, всплыли в залив и окружили яхту. Они не проявляли никаких агрессивных намерений, просто ждали. Спустя некоторое время клин развернулся и ушёл в океан.

Дневник Возвращения первого поколения.

«Сегодня Ли У пригласил меня поговорить о важном деле. Он всегда очень вежлив со мной и не считает всех четырнадцатилетних девочек кретинками. Он позволил мне – или, точнее, приказал – прочитать рукопись, добавив, что я должна всё знать. Знать, из-за чего рискую. Я должна хранить её, изучать и передать кому-то на склоне лет.

Так он сказал. Я спросила:

– Это тогда, когда я догадаюсь, что умру?

Он улыбнулся. Мне хотелось бы его обнять, но я не решилась. Мне кажется, что моё прикосновение причинило бы ему боль. ... я попыталась упросить его, чтобы он позволил мне принять участие в дальнейших экспериментах, хотя и понимала, что он откажет.

Война людей.

– Похоже, они готовятся к чему-то.

Они возвращались с переговоров. Он мельком посмотрел на неё.

– И это что-то «война».

– С нами?

– О, нет. Кишка тонка. Нет, не с нами.

Она без малейшей издёвки заметила:

– Они же друзья.

Он уловил новую интонацию.

– Тебе они нравятся.

– Не именно эти. – В замешательстве отбилась она. – Другие, но...

Он молчал некоторое время, пока освобождённые от чар акулы с недоумением расплывались в стороны.

– Ты как знаешь, милая. – Наконец, сказал он. – А я в своём, как это они называют, – рапорте, буду рекомендовать Невмешательство.

Она с вызовом напомнила:

– Ты не сделал инъекцию. Флинк!

Он понял, к чему относился вызов, и примиренчески улыбнулся.

– Ты достаточно его озадачила. Сделаю дома.

Он повёл взглядом по гребням волн и, когда из воды выскочила рыба, резко метнул своё тело вбок. Проглотив рыбу с головы, он как бы оправдываясь, бормотнул что-то вроде того, что у него жуткий аппетит после коктейля.

Великое запустение.

Жалкий народ жил в лишённых романтичности руинах, на огрызках зачерствевших от заразы материков. Уже третье

поколение половину отдало злым духам – Голоду, Смерди и Отчаянию, врождённому, как болезнь, одна из бесчисленных болезней. Брошены двенадцать великих городов двуногого человечества. Те, кто также считал себя людьми, некогда искренне любовались, будто кукольными домиками, наземной архитектурой. Они деликатно именовали её наивной и мужественной... теперь она не манила их. Патрули посещали города аккуратно, но на обычную прогулку никого из нас не заманишь.

Побережье, защищённое чарами, осталось таким, как раньше, но даже оно не привлекало Морских. И отечество – океан – трудно было защитить. Как забыть полуночные кошмары – звуки, вибрацию, металлический привкус в воздухе, воронки, засасывающие воду до костей отмелей? Саму смерть, трясущую океан за шкуру сто лет назад. Акулы иногда не подчинялись чарам – так они опьянели от крови. Очумелые и взбесившиеся, приходили они на зов с далёких окраин отечества не тотчас, отвлекаясь на всплывающие обломки железных лодок и течения, окрашенные в розовый цвет.

Молчание Морских длилось долго.

Возобновление переговоров.

– С хунтой? С теми, кто начал всё это и попрятался в убежища, где они одичали за сто лет от разврата и ужаса? С их потомками, не знающими света и воды?

– Ну, ну.

– Прости за высокопарность, прости. Мы должны, я знаю.

– Вот именно.

Нагие совершенные тела. Торсы с лоснящейся мускулатурой. Лица почти всегда неподвижны и величественны, нижняя часть тела – винтовая лестница, если родственная деталь архитектуры способна распрямиться и шлепком утихомирить белую акулу. Или пиратскую шхуну – но последнюю посудину они видели в волнах с полвека тому.

– Мы уже получали отказ от переговоров. Помнишь? Они называли нас тварями и морскими демонами.

– Сын негодяя назвал. У негодяя мог родиться другой сын. Или дочь.

Он шикнул на плавающего неподалёку ребёнка. Малышка охотилась, хотя статус котёнка не позволял этого без сопровождения взрослых.

Он прищурился – она из клана Основные (Продолжение), колено Дюйэвич, поколение номер... сразу и не упомнишь. Он, подхватив чадо, усадил на свой свёрнутый кольцом хвост и подозвал для её забавы маленькую рыбку, но в этот момент из толщи воды вынырнула небольшая мурена. Её явно выдернули из глубин чары, но чьи? Ребёнок изогнулся у него в руках, схватил мурену и в один миг оторвал крохотными зубками умную рыбью голову. Всё произошло так быстро, что собеседники остолбенели.

Отшлёпать маленькую разбойницу? Он выпустил малыш-

ку со вздохом. Она была похожа на крохотную крылатую пантеру с хвостом вместо ножек. Довольная, что обратила на себя внимание взрослых, она одной ручкой запихивала в пасть рыбу, а второй крохотной пятернёй держала пойманного дядю. Две её подружки спокойно плели веночек из морских цветочков.

– Поговорю с родителями. – Пообещал он. – Такие раззявы, могут и лекарство забыть дать.

Сам он был похож на дракона с лошадиной мордой.

Не выдержав, он принялся выговаривать крошке:

– Мы выращиваем плотоводоросли, чтобы утолять голод, детка. Рыбку нужно жалеть. А мурену вообще нельзя есть. Она умная, понимаешь?

Молодой собеседник, сам чем-то напоминающий мурену, усмехнулся.

– Она понимает, а вот поймут ли тебя крысы?

– Не называй их так.

– Виноват. Обидел крыс.

– У них мозг из двух частей. – Заметил старый коняга. – Следует помнить об этом и прощать.

Он взлохматил холку котёнка.

– Они наши предки.

Из головы у него не выходило удручающее зрелище. Открытый ход в бункер, оттуда удушающе несёт вонюю – спеклись системы жизнеобеспечения, а научиться за сто лет думать потомки тех, кто начал войну, не смогли.

Он смотрел на толпу мужчин и женщин – все в состоянии хронической истерики, истощённые, грязные. Это вот внук генерала, того самого, который забыл забрать с собой свою семью, но прихватил экономку и запас консервов, в том числе, имеющих жидкостную субстанцию. Внук, впрочем, пошёл в свою бабушку, экономку. Его отец, родившийся вскоре после начала великого заточения, прожил короткую жизнь и прикончил последнюю бутылку из генеральских запасов, которая, в свою очередь, прикончила его. Он успел оставить многочисленное потомство, из которого выжил мальчик с волевым подбородком, который когда-то очень красил экономку.

Разговаривать с ним всё же было невозможно. Более успешно прошли переговоры с вождём небольшого наземного племени – мрачных людей, от которых не воняло ничем, кроме однодневного пота. За несколько дней наблюдения сквозь кроны деревьев они убедились, что в племени лежат больных и есть несколько стариков, которых таскают за собой на сплетённых из коры носилках. Вождь не называл их демонами, не орал, сразу забрал оба ящика с плотоводорослями, отвергнутыми в бункере, и сказал, что его предок был *великий колдун-мудрец*. Но проект по налаживанию отношений погорел – потомок мудреца погиб от наследственной лучевой болезни, племя распалось.

Дневник Возвращения хранился в музее. Потрёпанные

тетради, скукоженные от пропитавшей бумагу крови океана.

Юноша, обидевший крыс, подцепляя когтем, переворачивал страницы. Он считал себя прямым потомком Ли У, из клана Запасные, имел статус Надменного.

Перегородка двери дрогнула, за прозрачными стенами раковины были слышны звуки тревоги. Он поспешно вернул книгу на полку. Старый друг вплыл в комнату с отстраненным выражением лошадиной морды.

– Вот и ты. – Рассеянно поведдал он.

Потомок Ли У вопросительно смотрел на него и вдруг ощерился.

– Вода! Они отравили воду!

Тот кивнул, его добродушная лошадиная физиономия выглядела бы смешно, если бы не потемневшие от отчаяния глаза.

– Для нас это безопасно, но они... система фильтров давно вышла из строя, и они привыкли к морской воде. Женщины и дети, все...

– Кто-нибудь жив?

– Командующий и его гвардия.

Утративший надменность рванулся к двери.

– Ты это куда? Не надо... слышишь?

...Он облетал остров беззвучно, чувствуя, как от злобы быстрее обычного обсыхает тело. Над чёрным зевом бункера он завис в воздухе. Выпуклые чёрные глаза отлично видели, что штабель дров у входа вовсе не штабель дров. Небольшая

сгорбленная фигурка с заложенными за спину руками следила, как двое выволакивают из норы новые тела.

Он содрогнулся, пряча в облаке разгорячённую голову.

– Во имя великого первопредка Ли У. – Взвыл он, складывая ладони, в которых могла бы целиком поместиться голова командующего, и взглянул на небо. Тотчас, едва отзвучала молитва, он с силой обрушил литое тяжёлое тело вниз, точно выстрелив собою из пращи.

Кто-то из гвардейцев задрал обросшую клочковатым волосом голову. И встретился глаза в глаза с падающей с неба крылатой нежитью, раззявившей острозубую пасть.

Второй кинулся в bunker. Потомок Ли У отшвырнул волосатого гвардейца и придержав дыхание, нырнул в нору.

Тело он бросил там же. Выбравшись, он увидел, что командующий – сутулый человек в цветных погонах, держит его на мушке базуки. Очевидно, он сходил с ума, иначе не повторил бы прежней попытки.

Командующий ухмыльнулся – резцы его сгнили до корешков – и нажал на спуск. Белозубая тварь, сложив крылья, с интересом взглянула на своё плечо, в которое ударилась пуля.

– Должно же у неё быть слабое место. – Сказал в раздумье командующий.

– Слабое место – это ты. – Ответила нежить и бросилась на него.

Возобновление переговоров.

Бледный, будто выцветший, жирный, почти голый мужчина с треугольными подпиленными и выкрашенными в оранжевый цвет зубами внимательно слушал богов.

Боги были и прекрасны, и отвратительны – такими и должны быть боги.

– Мы дадим вам новый мир. Всевышний, сотворивший нас, сотворил и вас.

Проницательный вождь заметил, что большеглазая спутница верховного бога с трудом сдерживает нетерпение. Дождавшись паузы, богиня процедила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.